

Цзян Сяошуай покрылся мурашками и поспешно отпрянул от Лэ Ци. Эта жеманная манера поведения была ему глубоко противна — как-никак, он мужчина. Конечно, Лэ Ци тоже был мужчиной, но эти ужимки, эта неестественная мягкость... У Цзян Сяошуая зачесалась кожа головы. Он принялся яростно тереть то место, к которому прикоснулся Лэ Ци, словно пытаясь стереть след от прикосновения какого-то чудовища.

У Сувэй уловил суть происходящего. Впившись взглядом в Лэ Ци, он спросил:

— Кто ты такой на самом деле?

Как его одноклассник из начальной школы может быть знаком с Сяошуаем и Го Чэньюем? Это не поддавалось логике. Сам он познакомился с Чи Чэном лишь пять лет назад благодаря Юэ Юэ, а до того момента их жизни никак не пересекались.

Черт, прокололся.

Лэ Ци прикрыл рот рукой, его узкие персиковые глаза забегали — сразу было видно, что он снова замышляет какую-то пакость.

Чи Чэн усмехнулся и с видом заправского хулигана направился к Лэ Ци, больше не беспокоясь о том, расстроит ли это У Сувэй:

— Ну, выкладывай, из какой ты подворотни? Какую легенду придумал?

Чем больше Чи Чэн изображал бандита, тем сильнее пугался Лэ Ци. Он перечитал немало романов и пересмотрел кучу сериалов: если Чи Чэн начинал вести себя так жестко, это верный признак того, что сейчас последует расправа.

Лэ Ци с мольбой посмотрел на У Сувэй, но, увидев его хмурое лицо, понял, что помощи ждать не стоит. Тогда он повернулся к Цзян Сяошуаю, надул губы и жалобно пропищал:

— Вторая мама, ты не можешь меня бросить!

Цзян Сяошуай ткнул пальцем себе в грудь, остолбенев от шока. Переведя дух, он взвизгнул:

— Как ты меня назвал?

Вторая мама? Где он увидел в нем женщину? Он же самый настоящий мужчина! Цзян Сяошуай заскрежетал зубами и бросил Чи Чэну:

— Сдери с него кожу! Я принесу тебе инструменты...

— Ой, не надо! Давайте поговорим по-хорошему, зачем сразу ножи и пистолеты, это так неэстетично... — Лэ Ци уцепился за уходящего Цзян Сяошуая, хлопая глазами, полными мольбы, и попутно не забывая облапать руку своей второй мамы.

У Сувэй наконец пришел в себя. Он дернул Сяошуаю на себя и потребовал ответа:

— Так это ты подстроил всё с контрактом?

Чи Чэн плюхнулся на край стола и достал сигареты. Лэ Ци тут же подскочил, схватил зажигалку и щелкнул ею:

— Папочка-исполнитель, позвольте прикурить.

Чи Чэн окинул его холодным взглядом, похожим на змеиный. Он чувствовал, что сегодня этот человек ведет себя совсем не так, как вчера, и что тайн в нем хватит на целую вечность. Он решил подыграть и, подставив сигарету к огоньку, произнес:

— Говори. Что тут происходит? Пока не приехал твой брат, у тебя есть шанс объяснить.

Потому что, когда приедет брат, всё станет гораздо сложнее.

Крышка зажигалки с щелчком закрылась. Лэ Ци обвел взглядом троих мужчин и понял, что от этой участи ему не уйти. Понурился, присел на корточки у стены:

— Я боюсь, что если расскажу, вы меня побьете. Может, сначала побьете, а потом я расскажу?

По крайней мере, если побьют до рассказа, это будет не так больно, а вот если после — его жизнь будет висеть на волоске.

Цзян Сяошуай широко открыл рот, пораженный такой логикой.

— Хватит нести чушь, говори, — голос Чи Чэна, у которого закончилось терпение, был холоднее льда.

Лэ Ци облизал пересохшие губы и начал свой сегодняшний монолог. В комнате воцарилась мертвая тишина.

Десять минут спустя У Сувэй присел напротив Лэ Ци, скрестил руки на груди и усмехнулся:

— Ты хочешь сказать, что мы — плоские персонажи, живем в книге или в сериале?

Лэ Ци, всё так же сидя на корточках, кивнул:

— Да.

У Сувэй расхохотался так, что начал бить кулаком по полу. Он указал на Лэ Ци и обратился к Чи Чэну:

— Чи Чэн, ты слышал? Это самая смешная шутка, которую я слышал в этом году. Я сейчас умру со смеху!

Он смеялся до слез, но в груди у него кололо, словно от тысячи иголок. Он — плоский персонаж? Вся его жизнь — чертова шутка, просто способ развлечения для кого-то другого? Эта нелепая версия была настолько абсурдной, что Лэ Ци мог ее придумать. Но чем меньше он хотел в это верить, тем сильнее болело сердце — боль проникала в каждую пору его тела.

— Хватит, перестань смеяться, — Чи Чэн поднял его с пола и крепко прижал к себе, чувствуя, как больно ему стало от воспоминаний об умершей матери. — Дабао, всё хорошо, я здесь, я рядом.

Он гладил У Сувэя по мягким волосам, пытаясь вернуть его в реальность. Лэ Ци опустил голову и съежился, как перепелка, боясь смотреть на остальных.

— Я не хотел вам этого говорить, но иначе никак не объяснить, почему я знаю всех вас. Если бы не тот проклятый фанат, я бы здесь не оказался. Я ведь только ради защиты матушки и батюшки в это ввязался...

Его голос становился всё тише, но внезапно он почувствовал на себе тяжелый взгляд. В следующую секунду кто-то схватил его за шиворот, и перед глазами появилось благородное, красивое лицо — это был его старший брат Лэ Хао.

— Господа, прошу прощения. Мне нужно поговорить с братом, подождите минутку.

Не дожидаясь ответа, он выволок Лэ Ци из комнаты. Чи Чэн, приобняв У Сувэя, стоял на балконе и наблюдал, как Лэ Хао отчитывает брата. О чем они спорили, было не слышно, но ссорились они яростно. Цзян Сяошуай сжимал кулаки так, что костяшки побелели — он никак не мог прийти в себя после слов Лэ Ци. У Сувэй отобрал у Чи Чэна сигарету и затянулся, но это не помогло унять бурю внутри. Сердце сжималось от боли, и он почти перестал чувствовать окружающий мир.

Лэ Хао, выплеснув гнев, с силой захлопнул дверцу машины, запер Лэ Ци внутри и приказал водителю следить за ним. Трое мужчин переглянулись и вернулись в комнату ждать.

Когда Лэ Хао вошел, его безупречный синий костюм был слегка помят, а на лице застыла неразрешимая печаль. Глубоко вздохнув, он выдавил из себя дежурную улыбку бизнесмена:

— Прошу прощения, мой брат доставил вам массу неудобств.

Чи Чэн вытащил окурочек из пальцев У Сувэя, раздавил его и бросил на пол, проверяя, не обжег ли тот пальцы.

— Ваш брат... — начал Цзян Сяошуай, желая спросить, не страдает ли Лэ Ци истерией или

каким-то другим недугом, но осекся.

Даже если это психическое заболевание, как объяснить, что он их знает?

Лэ Хао тяжело вздохнул, пододвинул стул и сел:

— У моего брата тяжелая форма депрессии. Десять лет лечения за границей не дали результата. Если бы у него не начались галлюцинации и ему не потребовался постоянный присмотр, мы бы не привезли его обратно.

— Депрессия? — Цзян Сяошуай выдохнул и невольно улыбнулся, но тут же спохватился — как врач, он не должен был так реагировать, будто радуется чужому горю, и поспешно принял серьезный вид.

У Сувэй разжал кулаки и неловко спросил:

— Тогда... откуда он знает... нас...

Он указал на себя, потом на Цзян Сяошуая, намекая на суть вопроса. Лэ Хао снова вздохнул и протянул сигарету Чи Чэну. Тот взял ее, но не закурил, а впился в Лэ Хао острым взглядом, требуя объяснений.

— Это началось с того момента, как господина Чи посадили в тюрьму... — Лэ Хао выглядел так, будто из него вынули душу.

— Я сидел в тюрьме?

<http://bllate.org/book/19184/1883444>